

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.1

УДК 9(с):338.245.2

ББК 63.3

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Ольга Валентиновна Галкова

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии,
Волгоградский государственный медицинский университет
galkolia@mail.ru
пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Александровна Петрова

Доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой истории и культурологии,
Волгоградский государственный медицинский университет
vip@sprint-v.com.ru
пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются множественные аспекты милитаризации жизнедеятельности советского народа в 1920–1930-е годы. Авторы раскрывают причины данного явления, которые крылись как во внешнеполитической обстановке, так и во внутренней политике, а также в идеологических основаниях формирования тоталитарного государства и общества. Особое внимание уделяется роли комсомола в милитаризации воспитания молодежи, ее участия в хозяйственной, политической и общественной жизни, попыткам милитаризации быта и частной жизни в целом. В статье также раскрывается роль всеобщей воинской повинности и военной службы в подготовке к жизни молодого человека, участия армии в решении хозяйственных и внутриполитических проблем. Обращается внимание на милитаризацию сферы культуры и идеологического зомбирования молодежи.

Ключевые слова: милитаризация, кампанейщина, индустриализация, коллективизация, комсомол, социалистические города, дома-коммуны.

Переход от гражданской войны к гражданскому миру был чрезвычайно сложным и многообразным процессом. Впечатляющая

победа большевиков в Гражданской войне не только побуждала к новым героическим свершениям на пути к социализму, но и порождала

иллюзии, что и по окончании войны сохранение военно-коммунистической доктрины будет гарантом дальнейших успехов по крайней мере вплоть до победы мировой социалистической революции.

Последней вспышкой военного коммунизма была попытка осуществить всеобщую мобилизацию труда, когда труд, обязательный для всех, понимался как всеобщая трудовая повинность, причем мирная, «хозяйственная война» характеризовалась как более трудная по сравнению с гражданской [8]. Милитаризация рассматривалась как часть единого хозяйственного плана, охватывавшего всю страну и все отрасли хозяйства. Она позволила бы в централизованном порядке перемещать рабочую силу, что привело бы в самые сжатые сроки к восстановлению транспорта, тяжелой индустрии, ликвидации голода. Обсуждавшаяся на IX съезде РКП (б) (март-апрель 1920 г.) концепция милитаризации экономики и труда была господствующей на протяжении всего 1920 года. Изданный в январе 1920 г. Декрет о всеобщей воинской повинности узаконивал трудовые мобилизации населения, а для решения срочных задач – подразделений Красной армии, которые получили название трудовармий. Применение военно-принудительных методов выведения экономики из кризиса означало допустимость введения в отдельных отраслях экономики военного положения, утверждения воинской дисциплины, в том числе и при помощи военных трибуналов.

Однако с окончанием главных военных операций обозначился и провал планов милитаризации экономики. В партийно-профсоюзной среде развернулась острая дискуссия о целесообразности дальнейшего применения военно-коммунистических методов в мирных условиях. Ее итоги, подведенные на X съезде РКП (б) (март 1921 г.), должны были стать надежным барьером в эскалации идеи милитаризации различных сфер общественной жизни. В победе этой доктрины нет ничего удивительного в первую очередь потому, что основу партии, выросшей многократно именно в годы революции и Гражданской войны, составили «революцией мобилизованные» рабочие и крестьяне, героически сражавшиеся за победу пролетариата, но, в отличие от старой большевистской гвардии, плохо ориентировав-

шиеся в теоретических вопросах не только экономики, но и марксизма.

Правда, в дальнейшем дискуссия лишь перешла в плоскость споров о путях развития мировой пролетарской революции. В противовес мнению Ленина, что в условиях стабилизации капитализма для победы коммунизма «в мировом масштабе» потребуется длительный период времени, Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев и их сторонники в армии и партии считали нэп никчемной затеей, уводящей пролетариев от столбовой дороги мировой революции, организовать которую очень просто – лихим наскоком, шашкой.

Важнейшим фактором, обусловившим не только проникновение, но и приживаемость военно-административных методов в мирной жизни, являлась напряженная международная обстановка в 20-е гг. («ультиматум Керзона» 1923 г., разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 г., конфликт на КВЖД и др.). Понимание того, что большевикам скорее всего придется строить социализм одним, во враждебном капиталистическом окружении, понижало сознание людей, порождало психологию осажденного лагеря, убеждало в необходимости милитаризации как залога эффективной подготовки к защите Отечества.

Милитаризация общественной жизни предопределялась и сталинской трактовкой политической системы диктатуры пролетариата, и административно-командной политической системой. «Диктатура пролетариата, – указывал Сталин, – состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением» [16, т. 8, с. 39]. Система диктатуры пролетариата, административно-командная система управления экономикой, сложившаяся в 1920–1930-е гг., жестко подчиненная централизованному планированию, связанная с почти полным устранением самостоятельного начала из деятельности предприятий, с полным господством директивных методов управления народным хозяйством, пронизала советское общество линией «приказ-исполнение». На военные походы и технические приемы политического руководства. В их число, в частности, входили директивы, определенные как «прямой

призыв к действию в такое-то время, в таком-то месте, обязательный для партии» [16, т. 5, с. 66].

Учитывая руководящую роль партии в государственной системе диктатуры пролетариата, другие общественные организации, в том числе и комсомол, строили свою жизнь, сверяя ее с партийной, заимствовали формы и методы работы. Представление Сталина о партии как о военно-религиозном ордене и о рабочем классе как о его армии в конечном итоге привело к тому, что и комсомол, и профсоюзы, копируя работу партии, видели себя ее верными помощниками, «приводными ремнями» от партии к массам, а своих членов – «рядовыми бойцами революционной армии», готовыми беспрекословно следовать приказам.

Посетивший СССР в конце 20-х гг. американский журналист У. Чемберлин отмечал, что «во всем, что касается коммунистической молодежи, есть военный оттенок, подчеркиваемый формой цвета хаки, которую все больше и больше носят члены союза в городах... Военная подготовка, практикуемая во всех организациях, и даже в решении таких мирных дел, как, например, ликвидация неграмотности, сопровождалась военизированной терминологией: “мобилизация”, “фронт”, “наступление”» [19, с. 237].

В разные периоды времени сила воздействия каждого из вышеназванных факторов не оставалась величиной постоянной. С развитием нэпа и преодолением в ходе внутрипартийной борьбы троцкистских идей милитаризации экономики влияние Гражданской войны и военного коммунизма ослабевало, но значительно медленнее, чем предполагалось изначально.

Свертывание нэпа, воссоздание в полном объеме административно-командной системы управления, рост международной напряженности привели к тому, что к 1929 г. советская экономика приобрела многие черты хозяйства военного времени: нехватка продовольствия и потребительских товаров, введение в 1928–1929 гг. карточной системы на важнейшие виды продовольствия и предметы первой необходимости, падение реальной заработной платы и уровня жизни, резкий рост расходов на оборону и т. д. В этих условиях стали возрождаться идеи и установки военного комму-

низма. В речах и докладах на собраниях чаще стали приводиться ссылки на тезисы IX съезда партии, взявшего курс на милитаризацию труда. Вновь получили хождение концепции «отмирания денег» в ближайшем будущем и перехода к «прямому товарообмену». Конечно, это не был прямой возврат к военному коммунизму. Иными были проблемы, иным было политическое положение в стране. Поэтому в иной форме воскрешались и целеуказания, попытка реализации которых уже предпринималась десятью годами раньше.

По окончании Гражданской войны комсомол еще продолжал некоторое время действовать по инерции, привычными методами военного времени. Комсомольцы с оружием в руках принимали участие в подавлении крестьянских волнений, составляли от 20 до 30 % частей особого назначения (ЧОН), силы которых предназначались для борьбы с так называемым кулацко-эсеровским бандитизмом. Некоторые ячейки КСМ полностью вливались в местные отряды самообороны, устраивали засады, вступали в перестрелки. Каждая из деревенских и небольших уездных комсомольских организаций становилась боевой военной единицей.

По-прежнему, как и в годы Гражданской войны, комсомольцы и молодежь организовывали продотряды и экспроприировали хлеб у кулаков. Выполняя постановление ВЦИК от 18 февраля 1922 г. для оказания помощи голодающим, комсомольцы принимали участие в экспроприации драгоценностей у церкви. С начала 1920-х гг. молодежь активно привлекалась к различным мобилизациям – на транспорт, «топливный фронт», восстановление нефтяных промыслов и т. п. Мы не располагаем цифрами о количестве комсомольцев и молодежи, принимавших участие в подобных мобилизациях. Всесоюзных мобилизаций в то время не объявлялось, а квота молодежи в общих мобилизациях не определялась. Но по некоторым данным, содержащимся в партийных резолюциях, можно предположить, что комсомольско-молодежное участие в них было массовым. Более того, оно являлось одной из причин резкого падения численности Союза молодежи и его серьезного кризиса [11, с. 79].

С переходом к нэпу молодежь оказалась одной из самых уязвимых категорий населе-

ния. V Всероссийский съезд РКСМ констатировал: «Неурядицы экономической жизни, сокращение производства, сокращение штатов и т. д. ударяют, прежде всего, по рабочей молодежи» [17, с. 87]. И хотя комсомол, даже переживая тяжелый кризис, предпринял некоторые шаги к закреплению определенного процента рабочих мест за молодыми рабочими, к решению жилищной проблемы молодых людей, в своих действиях в этих направлениях был ограничен как весьма скудными материальными возможностями, так и нерешенными проблемами внутрисоюзного свойства.

Ленинский призыв 1924 г., обеспечивший приток 400-тысячного отряда несоюзной молодежи в КСМ, способствовал преодолению кризиса в союзе, расширял возможности проведения культурнической работы, направленной на удовлетворение все возраставших потребностей молодых людей в получении образования, повышении квалификации, обустройстве быта и досуга. Между тем комсомол буквально разрывался под грузом совершенно противоположных по смыслу партийных директив. Одни из них требовали прекращения столь опустошительных для Союза молодежи мобилизаций, после которых «работа замирает или сокращается до недопустимых пределов», другие же безапелляционно требовали «усилить мобилизацию» [11, с. 60, 69]. Добровольчество и самодеятельность мыслились только в рамках санкционированных партийных направлений. И если в начале 20-х гг. еще раздавались призывы высшего комсомольского руководства к расширению и разнообразию культурнической работы на базе добровольчества и самодеятельности, то с середины 20-х гг. зазвучали требования ее обязательного сочетания с работой по включению молодого поколения в социалистическое строительство, в конечном итоге переросшие в пренебрежительное отношение к тем потребностям юношей и девушек, которые напрямую не восходили к реализации главной задачи, выдвинутой ВКП (б): возведению здания социализма. Даже с трибуны XIV съезда ВКП (б) в адрес комсомола раздавались обвинения в том, что он погряз в повседневщине, проявляя излишнюю заботу о своих членах. Развивая эту мысль, «Комсомольская правда» в 1927 г. писала, что «куль-

турнические формы работы, направленные на удовлетворение личных запросов молодежи, могут существовать, но не в комсомольской организации» [5].

Не оправдавшиеся надежды молодежи на помощь комсомола в разрешении их частных интересов, квалифицированных как проявления «мещанства» и «мелкобуржуазных пережитков», толкали часть юношей и девушек в другую крайность, проявлявшуюся в рецидивах аскетического, уравнительного и в значительной степени альтруистического коллективизма времен Гражданской войны и военного коммунизма.

Многие «комсомольские старики», сохранившие романтику Гражданской войны и открытой борьбы с классовыми врагами, жаловались на скуку и обыденность мирной жизни и забрасывали КСМ заявлениями с просьбой отправить их на нелегальную работу за границу. Проявляя нетерпение в ожидании обещанной мировой пролетарской революции, молодые люди требовали от партии немедленной отмены нэпа и «объявления войны международному империализму (конечно, нас может ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь – или пан, или пропал)» [9, с. 169]. Молодые люди, сформировавшиеся в годы Гражданской войны, собираясь вместе, часто вспоминали те боевые годы, когда хотя и пили морковный чай, но рядом была «своя братва» и дружить умели верно. Они хранили верность не только духу, но и внешним атрибутам военной поры: комиссарские кожанки, шинели и галифе у юношей, гимнастерки, синие юбки да красные косынки у девушек.

Военная форма подчеркивала причастность молодого человека к армии, авторитет и влияние которой на общество после Гражданской войны были чрезвычайно высоки. Охваченная чувством глубокого патриотизма, молодежь стремилась поддержать армию всеми способами и средствами. Социологические исследования 1920-х гг. показали, что красноармейцы и краснофлотцы пользовались особым уважением гражданского населения, однако многими армия воспринималась не только как защитница первого в мире социалистического государства, но и как эффективное средство социальной мобильности, как

возможность вырваться из деревенских оков, выйти «в люди». В армии легче было вступить в партию и комсомол, что открывало после демобилизации широкие возможности для занятия руководящих постов. Армия воспринималась и как школа в прямом смысле этого слова (обучение грамоте), и как избавление от безработицы, и как возможность ухода от тягот крестьянского и фабрично-заводского труда, и как очаг приобщения к культуре и др. Армия служила важным фактором социализации молодого человека. Она воспринималась не столько как военно-государственный, сколько как учебный институт, способный удовлетворить частные интересы молодых людей.

Государство использовало армию для усиления своего влияния на общество. Отмежевавшись теоретически от троцкистских идей использования армии в народно-хозяйственных целях, на практике партийно-государственное руководство продолжало привлекать армию к выполнению не свойственных ей задач. Армия подготавливала кадры трактористов, председателей колхоза, бухгалтеров. Совместно с комсомольцами, городской и сельской молодежью бойцы Красной армии создавали ударные ремонтные бригады на селе, участвовали в «походе за урожай», антирелигиозных кампаниях, организовывали колхозы, раскулачивали зажиточных крестьян. Применяя к кулакам жестокие военно-репрессивные методы, они утверждали в деревне культ бедности: «чем беднее крестьянин, тем он более хорош для Советского государства». «Вторжение» армейских частей и демобилизованных солдат в деревню внесло свою лепту в характер коллективизации, который Н. Бухарин определил как «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства».

Письма красноармейцев, сами красноармейцы-отпускники использовались для того, чтобы разъяснить крестьянам текущую политику партии и Советского государства. Поэтому политические взгляды красноармейцев ставились под неусыпный контроль политработников. Контроль шел прежде всего по линии усиления партийного руководства вооруженными силами, совершенствования системы политпросвещения. В среднем из 10 часов ежедневных занятий красноармейца

4,5 часа проводил на политподготовке [2, с. 21]. Мировоззрение комсомольца формировалось и через воинский коллектив, в первую очередь через партийно-комсомольский актив, представителям которого секретным циркуляром вменялось в обязанность не только следить за настроениями бойцов, но и доносить в особый отдел [3, с. 71, 72, 117]. Сослуживцы «просвечивали» молодого красноармейца на предмет его политических взглядов, происхождения, вероисповедания. В этих условиях рядовые военнослужащие стремились быть «как все», проявляли конформизм.

Влияние армии было неоднозначным. Армия перевоспитывала и ломала молодых людей, приобщала к знаниям и учила нетерпимости к «не своим», прививала вкус к общественной деятельности и нащипывала целым арсеналом политических лозунгов. Она отрывала их от родной почвы и бросала в сложную послеармейскую жизнь с осознанием власти силы, приученными к двойным стандартам бытия: доношительству, угодничеству, лицемерию, демагогии. Иными словами, армия подготавливала к жизни в тоталитарном военизированном государстве. Сотни тысяч демобилизованных после службы в армии упорно воспроизводили в мирных условиях режим, который некогда обеспечивал военные победы: предпочитали приказы демократическим дебатам, процедурам выборов, насилие – убеждению, не проявляли терпимости к инакомыслящим, оперировали лозунгами и призывами, знакомыми еще со времен военной службы.

Усиление армейских позиций в общественной жизни сопровождалось встречным процессом включения общества в решение армейских проблем. С течением времени военная работа начинает занимать все больше места среди прочих направлений комсомольской деятельности. На IX съезде ВЛКСМ (январь 1931 г.) было заявлено о том, что комсомолец, не прошедший военной подготовки, не может оставаться в рядах КСМ [17, с. 448].

Примечательно, что впервые в истории общество взяло шефство над армией. В 1922 г. комсомол начал шефствовать над ВМФ, а в 1931 г. – над авиацией. ВЛКСМ проводил комсомольские мобилизации в авиацию и на флот, направлял юношей в военные школы и выс-

шие военные заведения, работал среди допризывников. Первая половина 20-х гг. была отмечена активным участием КСМ в работе Военно-научного общества, Добролета, Доброхима, ОДВФ (Общество друзей воздушного флота). Комсомольцы собирали деньги на аэропланы, эскадрильи имени В.И. Ленина и «Красный Урал», гидроотряд имени КСМ. Расширилось обучение молодежи военным специальностям, и вновь, как в годы Гражданской войны, было введено обязательное военное обучение молодежи. С 1927 г. комсомол получил возможность в развернутой военной работе использовать материальную базу нового добровольного общества – Осоавиахима. В арсенале военной работы КСМ появились такие формы работы, как военные походы, военизированные лагеря.

Однако военная работа все еще не приобрела широкого размаха, поэтому ЦК ВЛКСМ в постановлении «О задачах военной работы комсомола» (декабрь 1929 г.) потребовал от комсомольских организаций решительного перелома в сторону большей повседневной работы по распространению практических военных знаний, обучению молодежи военным специальностям. Именно в эти годы возникли первые аэроклубы и парашютные вышки, начали работать новые военно-технические кружки. С 1930 г. комсомол перешел от шефства над отдельными кораблями и их соединениями к строительству боевых единиц флота. Первой из них была подводная лодка «Комсомолец». Предметом особой заботы комсомола стала авиация. На лозунг «Комсомолец – на самолет!» откликнулись десятки тысяч юношей и девушек. В 1928 г. были открыты первые две летные школы, а в 1930 г. работало 30 аэроклубов. По инициативе московской организации ВЛКСМ началась подготовка летчиков без отрыва от производства. Стала проявляться все большая связь военного и физкультурного движения. Комсомол выступил инициатором нового физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне». Участвуя в объявленном ЦК ВЛКСМ в начале 1932 г. Всесоюзном стрелковом походе, комсомольцы активно включились в сдачу норм на значок «Ворошиловский стрелок».

Военная работа комсомола стала отражением высокого подъема патриотических

чувств молодежи, носила разнообразный и массовый характер, внесла свой весомый вклад в укрепление обороноспособности страны в межвоенный период.

Высокие темпы индустриализации, обусловленные прежде всего государственными интересами в области обеспечения обороноспособности страны, требовали все новых и новых рабочих рук. По сути, неисчерпаемым источником рабочей силы стал комсомол, который объединял в своих рядах молодежь, связанную комсомольской дисциплиной и не обремененную, как правило, ни семьей, ни устроенным бытом. Ликвидировать дефицит рабочей силы, компенсировать текучесть кадров должны были специальные комсомольские мобилизации. За 9 месяцев с середины 1929 г. Союз молодежи направил на ударные участки хозяйственного строительства: в угольные, железорудные районы и т. д. – около 150 тыс. комсомольцев-рабочих. Для работ в шахтах Донбасса всего за 1930–1932 гг. комсомол направил 45,8 тыс. человек. В декабре 1929 г. развернулась всесоюзная мобилизация комсомольцев на «лесной фронт». В 1920–1930-х гг. (по данным лишь 8 областных и краевых организаций) на лесозаготовки выехало 45 тыс. комсомольцев [15, с. 210–212]. Первая пятилетка предусматривала гигантскую строительную программу. Предстояло возвести 1 500 крупных промышленных предприятий, среди них такие гиганты индустрии, как «Сельмашстрой», «Тракторострой», «Уралмашстрой» и др. Первенцы социалистической индустрии возводились руками комсомольцев и молодежи. Так, на возведении Сталинградского тракторного завода ВЛКСМ направил 7 тыс. молодых рабочих и батраков, которые своим героическим трудом добились досрочного ввода в эксплуатацию СТЗ.

Массовыми были и мобилизации комсомольцев в деревню. Действенной формой на «фронте колхозного строительства» оказался поход «за урожай и коллективизацию», решение о котором было принято 5 января 1929 года. Каждая ячейка должна была организовать колхоз, а каждый комсомолец – вступить в колхоз. За 6 месяцев похода комсомольские организации послали в деревню 2 тыс. бригад рабочей молодежи. Только весной 1929 г. по инициативе ячеек ВЛКСМ в стране было со-

здано 5 тыс. колхозов. В создании новых колхозов комсомольские ячейки проявляли прямо-таки военный натиск. Не единичными, например, были случаи, когда утром актив ячейки принимал решение завершить коллективизацию в деревне к 12 часам ночи... того же дня. В период сплошной коллективизации сельского хозяйства комсомол направил на постоянную работу в деревню 5 тыс. комсомольцев в числе 25-тысячников. Они возглавили колхозы, МТС, работали трактористами и механизаторами [15, с. 187].

Важнейшим фронтом деятельности ВЛКСМ стала борьба за всеобщую народную грамотность. Комсомол совместно с Пролетстудом развернул широкое массовое движение по ликвидации неграмотности. Наиболее организованно культпоход прошел в Нижневолжском крае. В октябре 1925 г. в крае работало 25 тыс. культармейцев, которые не только выявляли неграмотных, готовили помещения под ликпункты, но и обучали неграмотных. В июне 1925 г. комсомол принял шефство над всеобучем и провел три всесоюзные мобилизации грамотных комсомольцев на педагогическую работу. Более 50 тыс. молодых рабочих и крестьян после обучения на краткосрочных курсах стали учителями начальных школ [15, с. 183].

Военизированный характер приобрели и многие другие отрасли работы КСМ. Даже антирелигиозная пропаганда, требовавшая кропотливой, серьезной, вдумчивой работы, чуждой компанейщине, штурму и натиску, была возложена на Союз воинствующих безбожников, в членах которого состояло более 1 млн комсомольцев. В системе политобразования комсомольцы увлекались политбоями и политоблавами. В память о мобильных конных частях времен Гражданской войны специальные группы комсомольцев, созданные в начале 1927 г. для борьбы с бюрократизмом и улучшения госаппарата, получили название легкой кавалерии.

Молодежь проявляла невиданный героизм, впечатляющий энтузиазм на стройках социализма даже тогда, когда партия предъявляла молодежи почти сверхчеловеческие требования. Для того чтобы энтузиазм не превратился лишь в эпизоды молодежной активности, а носил длительный, устойчивый харак-

тер, недостаточно было одних только моральных и материальных (их почти не было) стимулов. Решение этой проблемы нашлось в плоскости юношеской ментальности. Учитывая ее особенности, комсомольское руководство предприняло усилия для замены идеалов Гражданской войны идеалами мирного времени, наполненными романтикой будней социалистической стройки.

Для реализации этой задачи средства массовой агитации и пропаганды, выступления видных деятелей партии и Советского государства, передовиков производства рисовали перед молодыми людьми невиданную доселе картину будущего социалистического общества, достижение которого требует безусловной самоотдачи, самопожертвования и трудового героизма тысяч и тысяч молодых людей. Пролетарские писатели создавали такой тип героя времени, который каждого заставлял подумать: да, я хочу быть таким же, он является моим идеалом. Место подвигу находилось и в мирное время. Молодежи разъяснялось, что классовая борьба накаляется, враг принимает лишь иную личину – он в нэпмане, кулаке, попе, мешанско-эгоистических настроениях [6, с. 4–5].

Милитаризация охватила такую важную сферу общественной жизни, как быт. В условиях острейшего жилищного кризиса важнейшее место отводилось городской застройке. В наибольшей степени соответствовали партийным директивам комплексные проекты социалистических городов, которые, несмотря на свою утопичность, получили практическую реализацию.

Стержнем большинства проектов строительства социалистических городов была идея коллективизации быта. Наиболее полно главные принципы строительства социалистических городов нашли отражение в книгах Л.М. Сабсовича «Социалистические города» и «СССР через 10 лет» [13; 14]. Этот архитектор требовал уничтожить как элементы «мелкобуржуазного индивидуалистического быта», «свой угол», «свою мебель», «свою семью», место которой займет общая коллективная семья трудящихся, «свою обособленную, оторванную от коллектива жизнь». Структурной единицей таких городов должны были стать дома-коммуны. Последова-

тель идей Сабсовича архитектор Николаев предложил Главтруду (сектор кадров ВСНХ), построить в Москве студенческий дом-коммуна со строгой специализацией помещений (отдельные комнаты для сна, физзарядки, принятия пищи, отдыха). Не превышая по размеру 5 кв. м, комната для сна напоминала скорее вагонное купе: две кровати, расположенные одна над другой, да две складные полки. В домах-коммунах не только не планировалось комнат для совместного проживания мужа и жены, но предполагалось введение совместного воспитания детей. Даже грудные дети должны были находиться отдельно от родителей, а матери получали лишь право приходить и кормить их. Всем жильцам дома-коммуны предписывалось строго следовать установленному режиму. Соблюдение режима контролировали механические приспособления. Например, пробуждение сопровождалось бы автоматическим открыванием окон и проветриванием помещения. После обязательной вечерней прогулки перед сном молодой человек, чтобы попасть в спальню, должен был предварительно пройти через шлюз, состоящий из гардероба, душевых, умывальных и уборных комнат. Даже самые впечатляющие утопии XX в. от Е. Замятина до А. Зиновьева не создавали столь мрачного полотна казарменной, жестко регламентированной, лишенной частного, индивидуального начала жизни.

Во второй пятилетке планировалось построить и реконструировать 12 социалистических городов, в том числе Сталинград, Магнитогорск, Челябинск, Днепропетровск и др. Возведение первых пяти из них началось в 1930 г., причем главная ставка делалась на использование трудовой активности молодежи. Вокруг строительства гигантов социалистической индустрии стали расти первые дома-коммуны. Кое-где это осуществлялось с довольно большим размахом. Так, во время строительства Сталинградского тракторного завода и социалистического города вокруг него было создано 10 комсомольско-молодежных коммун, которые заняли отдельный дом [12].

В публикациях 1920–1930-х гг. было немало свидетельств о том, как в коммунах налаживались быт и досуг молодежи. Но сколько бы оптимистично не выглядели первые рапорты о жизни домов-коммун, дальнейшая судь-

ба их была довольно печальной. Коммуны возникали в огромном множестве и также быстро распадались¹. Бригадир арматурщиков Сталинградского тракторного завода Яков Липкин писал: «В доме-коммуне было множество клопов... Белье, которое мы отдавали в стирку коллективно, стирали недели по три, а мы все ходили грязными. Приходили с работы и, как были в спецовках, ложились на кровать. Опустелись ребята, перестали за собой следить» [10, с. 191]. Работник редакции многотиражки СТЗ «Даешь трактор!» Л. Макарьянц рассказывал, что в коммуне все считалось общим. Когда у кого-то рвалась обувь, то он выжидал момент, когда какой-нибудь неосторожный «собственник» ботинок разуется, одевал их и исчезал на целый день. Однажды Макарьянц спросил у своего приятеля Френкеля, откуда у него появились новые брюки, тот ответил, что брюки купила коммуна, и он не знает, кто эти брюки будет носить завтра. Если кто-то из коммунаров противился подобному обобществлению, его прорабатывали за «буржуазные тенденции» [10, с. 172–173].

Жизнь коммунаров была чрезвычайно заорганизованной: ежедневные собрания, заседания с одними и теми же разговорами об одних и тех же производственных проблемах. К маю 1931 г. из производственно-бытовых коммун СТЗ ушло 66 человек. Мастер, лучший ударник на производстве, уходя из коммуны, оставил письмо, в котором писал: «Прощай, коммуна, дом-тюрьма» [12]!

Коммуны сдерживали тягу к повышению квалификации, получению образования, стремление к повышению производительности труда, формировали аскетический образ жизни, вели к уравнительности потребностей, нивелировке и стандартизации личности.

Дома-коммуны, социалистические города и городки вписались в «эпоху Москвошвеев» – массового стандартизированного производства, рассчитанного на минимальные «голодные» потребности и карточное распределение. Суверенность личности была опасной и недопустимой, поскольку подрывала саму основу тоталитарной власти. Новая организация быта, коллективизированного и милитаризованного, приучала равняться «на всех», довольствоваться минимально малым во всем, терпеть, шагать в ногу со временем.

Иностранцы, посещавшие СССР в 1920–1930-е гг., неоднократно обращали внимание, что материальные условия жизни и воспитание молодежи демонстрируют «определенные черты, которые подавляют все остальные и способствуют созданию некоего стандартизированного типа» [18, с. 237]. Последние десятилетия отечественные историки попытались воссоздать особенности «коллективизированного», в значительной степени «милитаризированного» духа того персонажа нашей истории, который получил обобщенное наименование «простой советский человек». Этим кодовым названием обозначался человек нетребовательный («сознательный»), маленький («понимает»), скромный («не высовывается»). Он не задается, не ссылается на собственные заслуги и таланты, не забывает, что «всеми своими успехами он обязан только партии, правительству и лично вождю народов. Он не слишком выделяется ни образом жизни, ни вкусами, ни одеждой, ни мнениями (либо тщательно их скрывает). Главным содержанием его жизни является служение общему благу, а вернее тем, кто от имени общих интересов выступает» [7, с. 18–19].

Таким образом, в период 1920-х – начале 1930-х гг. было две волны милитаризации труда, жизни и быта, которые захватили все слои общества и прежде всего молодежь. Первая волна милитаризации начала 1920-х гг. проявилась в воспроизведении военно-коммунистических образцов времен Гражданской войны и военного коммунизма в практике мирного послевоенного восстановления народного хозяйства. Вторая волна милитаризации, ставшая заметной уже в 1927 г., превратилась в часть политики складывающегося тоталитарного государства. Милитаризация общественной жизни прочно связывается с практикой социалистического строительства. Ее главными результатами становятся не только всесторонняя подготовка молодого поколения к защите своего Отечества, но и высокая степень переплетения государственных, армейских и общественных интересов, ведущих к идентификации молодежью государственных интересов упрочения обороноспособности страны и социалистического строительства как своих собственных, личных интересов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Точных данных об их количестве нет. В начале 1930-х гг. Госпланом СССР и Институтом марксистско-ленинской педагогики во время всесоюзного обследования было учтено 400 бытовых коммун и коллективов (см.: [4]). Представляется, что эти данные не полны. Только по 50 предприятиям Бауманского района Москвы в 1930 г. насчитывалось 79 коммун (см.: [1]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В борьбе за коммунистический труд // Комсомольский агитпропработник. – 1930. – № 13. – С. 58.
2. 10 лет Красной армии: 1918–1928 гг. Альбом диаграмм. – М.: Воен. вестн., 1928. – 78 с.
3. Измозик, В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах / В. С. Измозик. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1995. – 164 с.
4. Изучать ростки нового быта // Культура и быт. – 1931. – № 26. – С. 13.
5. Комсомольская правда. – 1927. – 6 янв.
6. Косарев, А. В. Навстречу новым трудностям, к решению новых задач / А. В. Косарев // Молодой большевик. – 1928. – № 7. – С. 4–5.
7. Левада, Ю. А. Мера всех вещей в человеческом измерении / Ю. А. Левада, Т. А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1989. – 486 с.
8. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. лит., 1965–1975. – Т. 39. – 1970. – 623 с.; т. 40. – 1974. – 506 с.
9. Ленинградская организация и четырнадцатый съезд. Сборник материалов и документов. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 190 с.
10. Люди Сталинградского тракторного / сост. Я. Ильин. – М.: История заводов, 1933. – 491 с.
11. Наследникам революции. Документы партии о комсомоле и молодежи. – М.: Мол. гвардия, 1969. – 592 с.
12. Резервы. 1930. – 2 апр.
13. Сабсович, Л. М. Социалистические города / Л. М. Сабсович. – М.: Моск. рабочий, 1930. – 124 с.
14. Сабсович, Л. М. СССР через 10 лет / Л. М. Сабсович. – М.: Моск. рабочий, 1930. – 160 с.
15. Славный путь Ленинского комсомола: История ВЛКСМ. – М.: Мол. гвардия, 1978. – 656 с.
16. Сталин, И. В. Соч.: в 13 т. / И. В. Сталин. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. – Т. 5. 1921–1923. – 446 с.; т. 8. Январь – ноябрь 1926. – 406 с.
17. Товарищ Комсомол. Документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. 1918–1968. В 2 т. Т. 1. 1918–1941. – М.: Мол. гвардия, 1969. – 606 с.
18. Chamberlin, W. H. Russia's iron age / W. H. Chamberlin. – L.: Gerald Duckworth, 1935. – 400 p.

19. Chamberlin, W. H. *Soviet Russia: a living record and a history* / W. H. Chamberlin. – Boston : Little, Brown, and company, 1933. – 486 p.

REFERENCES

1. V borbe za kommunisticheskiy trud [In the Fight for Communist Labour]. *Komsomolskiy agitproprobotnik*, 1930, no. 13, p. 58.

2. *10 let Krasnoy armii: 1918-1928 gg. Albom diagramm* [10 Years of the Red Army: 1918-1928. Album of the Charts]. Moscow, Voenny vestnik Publ., 1928. 78 p.

3. Izmozik V.S. *Glaza i ushi rezhima: (Gosudarstvennyy politicheskiy kontrol za naseleniem Sovetskoy Rossii v 1918-1928 godakh)* [The Eyes and Ears of the Regime: (State Political Control Over the Population of Soviet Russia in 1918-1928)]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta ekonomiki i finansov, 1995. 164 p.

4. Izuchat rostki novogo byta [To Study the Starts of a New Life]. *Kultura i byt*, 1931, no. 26, p. 13.

5. *Komsomolskaya Pravda*, 1927, Jan. 6.

6. Kosarev A.V. Navstrechu novym trudnostyam, k resheniyu novykh zadach [Towards the New Challenges, to the Solution of New Tasks]. *Molodoy Bolshevik*, 1928, no. 7, p. 4-5.

7. Levada Yu.A., Notkina T.A. *Mera vsekh veshchey v chelovecheskom izmerenii* [The Measure of Things in the Human Dimension]. Moscow, Progress Publ., 1989. 486 p.

8. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full Collection of Works]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1965-1975. 1970, vol. 39. 623 p.; 1974, vol. 40. 506 p.

9. *Leningradskaya organizatsiya i chetyrnadtsaty syezd. Sbornik materialov i dokumentov*

[Leningrad Organization and the 14th Congress: The Collection of Materials and Documents]. Moscow; Leningrad, Gosizdat Publ., 1926. 190 p.

10. Ilyin Ya., ed. *Lyudi Stalingradskogo traktornogo* [People of the Traktorny District of Stalingrad]. Moscow, Istoriya zavodov Publ., 1933. 491 p.

11. *Naslednikam revolyutsii. Dokumenty partii o komsomole i molodezhi* [To the Heirs of the Revolution. The Documents of the Party on the Komsomol and Youth]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969. 592 p.

12. *Rezervy*, 1930, Apr. 2.

13. Sabsovich L.M. *Sotsialisticheskie goroda* [The Socialist Cities]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1930. 124 p.

14. Sabsovich L.M. *SSSR cherez 10 let* [The USSR in 10 Years]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1930. 160 p.

15. *Slavnyy put Leninskogo komsomola: Istoriya VLKSM* [Glorious Path of the Lenin Komsomol: History of the Young Communist League]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1978. 656 p.

16. Stalin I.V. *Sochineniya: v 13 t.* [Collected Works. In 13 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1951. Vol. 5: 1921-1923. 446 p.; Vol. 8: January–November, 1926. 406 p.

17. *Tovarishch komsomol: Dokumenty syezdov, konferentsiy TsK VLKSM. 1918-1968. V 2 t. T. 1. 1918-1941* [Comrade Komsomol: The Documents of Congresses, Conferences of Central Committee of the Komsomol Party. 1918-1968. In 2 vols. Vol. 1 (1918-1941)]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969. 606 p.

18. Chamberlin W.H. *Russia's Iron Age*. London, Gerald Duckworth, 1935. 400 p.

19. Chamberlin W.H. *Soviet Russia: a Living Record and a History*. Boston, Little, Brown, and company, 1933. 486 p.

THE MILITARIZATION OF LIFE OF THE SOVIET YOUTH IN 1920s - EARLY 1930s

Olga Valentinovna Galkova

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History and Cultural Studies,
Volgograd State Medical University
galkolia@mail.ru
Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Irina Aleksandrovna Petrova

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Head of Department of History and Cultural Studies,
Volgograd State Medical University
vip@sprint-v.com.ru
Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article discusses multiple aspects of militarization of life of the Soviet people in the 1920-1930s. The authors explore the reasons for this phenomenon, which lay not only in the foreign environment, and in the domestic politics, but also in the ideological foundations of the totalitarian state and society. Special attention is paid to the role of the Komsomol in the militarization of youth education, participation in the economic, political and social life, attempts of militarization of everyday life and private life in general. The article also reveals the role of the universal military duty and military service in preparation for a young person's life, the participation of the army in dealing with economic and political problems. Attention is drawn to the militarization of culture and ideological indoctrination of the youth. The article investigates the tragic fate of the inter-war generation. This generation was at the same time the basis for the deployment of a wide social experiment to educate the new man at the heart of aspirations and expectations which would lay the ideas of socialism as a "bright future" of all mankind. These experiments, which began in the years of civil war, turned in many areas of culture: architecture, art, literature. They represent a strange mixture of modernism and Marxism. All these experiments were subordinated to the main goal – the education of the "new man". Since the inevitability of military confrontation with the "capitalist encirclement", it seems clear that the militarization of the country's life is comprehensive.

Key words: militarization, campaigning, industrialization, collectivization, the Komsomol, socialist cities, house-communes.